

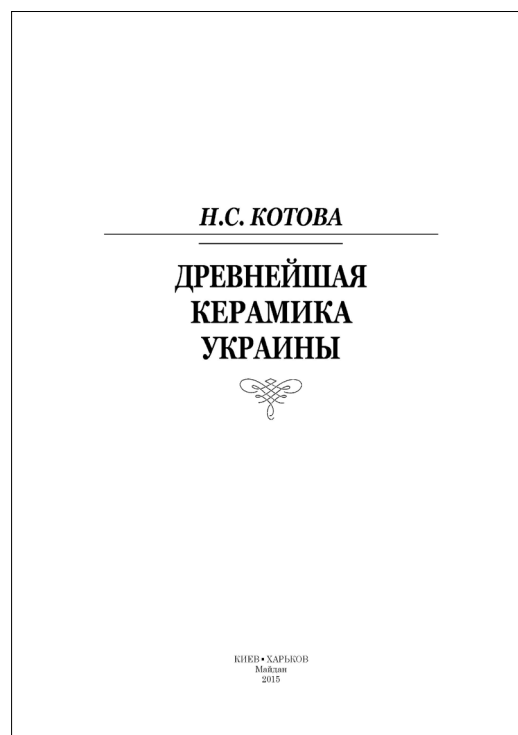
RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Котова Н.С., Древнейшая керамика Украины.
Киев, Харьков: Майдан, 2015, 154 с., 69 илл., ISBN 978-966-372-564-2.

Монография Н. Котовой посвящена изучению вопросов происхождения и развития керамических традиций на территории Украины в эпоху неолита. Эта книга достаточно тесно связана с более ранней работой автора «Неолитизация Украины» [Kotova 2003], в которой указанные выше проблемы уже рассматривались. При изложении материала она опирается на ранее разработанную периодизацию и хронологию. В большинстве случаев использует тот же иллюстративный материал, только иначе скомпонованный и дополненный рядом фотографий. В этом нет ничего удивительного, поскольку источниковая база с того времени изменилась незначительно. Новизна исследования в основном связана с использованием иной методологии анализа керамики и переосмыслением автором ранее сделанных выводов.

Монография состоит из шести глав, заключения и альбома иллюстраций. В первой главе дается физико-географическая характеристика изучаемого региона. Появление этой главы обусловлено тем фактом, что появление и распространение керамических традиций рассматривается по трем основным зонам: степь, лесостепь и полесье. Их краткое описание, содержащееся всего на 5 неполных страницах, на наш взгляд, не стоило выделять в отдельную главу, а следовало поместить во введение. Это бы выглядело логичней, поскольку самим автором признается, что появление и распространение керамики в Украине определялось культурными связями населения и в меньшей мере зависело от природного окружения.

Во второй главе рассматривается история изучения неолитической керамики, изложение которой она начинает с исследований В. Даниленко конца 1960-х гг. В этой главе автором, по сути, не рассматривается весь комплекс проблем, связанных с изучением керамики. В ней подробно освещены только вопросы происхождения и распространения древнейшей по-

суды. При этом особое место уделено критике концепции Д. Гаскевича о путях и истоках появления керамики в Украине. Осталось не совсем понятно по каким основаниям в вопросе о месте памятников типа Струмель-Гастятин автор встает на позицию Д. Телегина. Насколько известно, стратиграфических или радиоуглеродных данных по этому вопросу так и не появилось. Именно в этой главе было бы уместно выразить авторскую позицию о периодизационной принадлежности азово-днепровской и нижнедонской культур. Это связано с точкой зрения ряда исследователей (И. Васильев, А. Синюк, Н. Моргунова) об их энеолитическом характере. И если носители азово-днепровской культур взаимодействуют с сурской культуры на втором этапе своего развития, то можно ли относить ее к раннему неолиту?

Третья главы монографии посвящена классификации неолитической керамики, здесь же

дается объяснение основным терминам. Данная часть работы представляется нам наиболее спорной, как по методологии, так и по использованной автором терминологии. Орнаментацию неолитической посуды Н. Котова делит на два вида: графический и выступающий. При этом к графическим относятся все узоры, углубленные в стенку сосуда, которые, по-видимому, составляют не менее 99%, поскольку наклепной и выдавленный орнамент используется на единичных сосудах. Подобное разделение не соответствует принципу соразмерности типов классификации. Неудачен сам термин – графический, поскольку графика, в подавляющем большинстве случаев, не предполагает деформацию орнаментальной поверхности. В таблице 3 указано: «Горло с желобком на внешней стороне», но изображен сосуд с плавно отогнутым венчиком. Нет в таблице форм венчиков с воротничком. Видимо, это можно объяснить тем, что они появляются не на древнейшей керамике. Но, в тоже время, профиль горла с желобком внутри сосуда столь сложен, что отыскать аналогичные формы на древнейшей посуде не удалось. Вместо привычного термина поддон, заимствованный археологами из этнографических названий частей посуды, Н. Котова употребляет – пьедестал, который производителями керамики не применяется и имеет иную смысловую нагрузку. В названии, выделенных типов посуды используется наименование памятника, на котором найден наиболее полно сохранившийся сосуд, демонстрирующий все присущие данному типу признаки. Это нарушает устоявшиеся принципы классификации, согласно которым тип предмета, как правило, получает название по тому памятнику, для которого он наиболее характерен. Подобное наименование типов не дает ничего, кроме неоправданных ассоциаций, невольно возникающих у читателя.

В основу классификации керамики Н. Котовой положено соотношение высоты к диаметру сосуда, в результате чего выделено четыре типа сосудов: миски, чаши, горшки и банки. Непрофилированные сосуды у которых высота превышает диаметр венчика отнесены к банкам, а профилированные – к горшкам. Сосуды, у которых диаметр венчика превышает их высоту в два и более раза отнесены к мискам, а те у которых высота менее диаметра венчика, но не более чем в два раза – к чашам. Однако среди

всего массива рассмотренных в монографии сосудов достоверные параметры известны только у 12 сосудов, еще у 23 сосудов они восстанавливаются на основе графической реконструкции. Все остальные сосуды отнесены к тому или иному типу только по их верхним «частям», т. е. не на основе измерений, а интуитивно. Еще один критерий – это место нахождения максимального расширения диаметра на теле сосуда. Но если сосуд реконструирован только по венчику, то место максимального диаметра меняется в зависимости от того с каким наклоном этот венчик нарисован. В итоге в работе фигурирует множество выделенных типов сосудов, которых в реальности не существовало. Между тем в дальнейших разделах монографии сопоставление керамических материалов производится именно по этим, субъективно выделенным Н. Котовой типам, а не по культурным традициям. Согласно её представлениям, эти типы сосудов конвергентно развиваются у населения различных культур.

В четвертой главе анализируются процессы развития керамики в степной зоне у населения трех археологических культур: сурской, азово-днепровской и нижнедонской. Н. Котова переосмысливает свою периодизацию сурской культуры, и выделяет в первый этап материалы стоянок, имеющих наиболее ранние радиоуглеродные даты, которые ранее относились ею ко второму этапу. Теперь ко второму периоду ею отнесены материалы нижнего слоя поселения Раздольное, которые ранее она считала принадлежавшими к нижнедонской культуре. К третьему этапу она причисляет теперь материалы ряда надпорожских могильников (Вильнянский, Вовнигский 3, ранние погребения Ясиноватского 1), которые ранее считались днепро-донецкими. Принадлежность данных могильников к сурской культуре аргументируется единичностью находок днепро-донецкой керамики в Надпорожье, где преобладают памятники сурской и азово-днепровской культур. А также тем фактом, что радиоуглеродные даты предшествующих и близких им по материалам могильников: Марьевского и Васильевского значительно древнее хронологии днепро-донецких памятников. Вероятную принадлежность Надпорожских могильников к сурской культуре, а материалов

поселения Раздольное – к азово-днепровской, конечно, нельзя исключать, однако, она нуждается в более аргументированном обосновании. Вызывает вопросы и датировка третьего периода развития сурской керамики, исключительно по материалам могильников, на которых этой керамики нет. Если принять новые хронологические рамки сурской культуры, то они выходят за границы раннего неолита.

Частичная перегруппировка культурных комплексов произведена Н. Котовой и для памятников азово-днепровской культуры. К первому периоду данной культуры ею теперь относится часть материалов нижнего слоя стоянки Семеновка 1, культурная принадлежность которых ранее определялась в качестве сурской. Не связано ли это с механическим смешением разнокультурных комплексов? Обращает на себя внимание, что для самого раннего этапа комплексы единичны и невыразительны. Его хронология определяется Н. Котовой временем около 6050-5750 лет до н.э. Однако судя по калиброванным датам из таблицы 10, нижняя хронологическая граница не выходит за пределы 5980 лет до н.э., а значение одной из верхних дат доходит до 5683. Это даже с учетом того, если ориентироваться только на даты стоянки Чапаевка, которые Н. Котова считает более надежными.

Относительно радиоуглеродной хронологии следует также отметить, что Н. Котова как и в работе 2003 года, не использует даты, полученные по керамике, считая их недостаточно надежными. Однако за прошедшие годы вышло немало работ, которые показали, что с поправкой на резервуарный эффект они достаточно успешно вписываются в контекст радиоуглеродных дат, полученных по другим материалам, таким как: нагар, кость и уголь. Кроме того, стало ясно, что поправку на резервуарный эффект следует учитывать при датировании костей человека, который употреблял рыбную пищу. Датировка азово-днепровских памятников второго периода в монографии основана на радиоуглеродных датах костей человека и животного. Резервуарный эффект при их датировании Н. Котовой не учитывается и получается, что даты по кости животного синхронны или древнее, дат по кости человека. Т. е. с учетом резервуарного эффекта, сле-

дует иметь в виду, что поздние даты существования азово-днепровских могильников могут быть скорректированы на 200-300 лет.

Периодизация и хронология нижнедонской культуры не претерпевает существенных изменений в сравнении с монографией 2003 года [Kotova 2003]. Причем второй период существования этой культуры по-прежнему характеризуется радиоуглеродными датами из нижнего слоя поселения Раздольное (Кі 8000, 8001, 8002), которые уже были отнесены в рецензируемой монографии ко второму периоду сурской культуры (Таблица 10)? Наиболее валидные даты укладываются в интервал 6440-6300 лет ВР, что в большей степени соотносится с хроноинтервалом 2 этапа азово-днепровской культуры.

В пятой главе рассматривается керамика с памятников лесостепной и лесной зоны: бугоднестровской, киево-черкасской, донецкой и лисогубовской культур.

Хронология первого периода буго-днепровской культуры определяется в монографии интервалом 6400-5900 лет до н. э. Однако она не учитывает дату поселения Гард 2007 – 7640±90, нижнее калиброванное значение которой соответствует – 6584 лет до н.э. Второй период буго-днепровской культуры датируется в монографии 5900-5300 лет до н. э. Однако верхнее калиброванное значение даты с поселения Миколина Брояка соответствует 5403 лет до н.э., а с поселения Пугач 2 – 5410 лет до н.э. (Таблица 12). Таким образом, возраст буго-днепровской культуры омолаживается Н. Котовой на сотню лет. Если отказ от древнейшей даты объясняется в монографии её единичностью и возможностью присутствия на поселении Гард 2007 мезолитических материалов, то неиспользование двух поздних дат оставлено без комментариев.

В периодизацию и хронологию киево-черкасской, донецкой и лисогубовской культур Н. Котовой каких-либо значимых изменений в сравнении с монографией «Неолитизация Украины» внесено не было.

В шестой главе рассматривается происхождение и развитие неолитической керамики на территории Украины. Первоначальное появление керамики в Северном Приазовье Н. Котова связывает с проникновением небольших групп населения из Восточной Анатолии. По её мне-

нию, об этом свидетельствуют ряд аналогий в материалах памятников Нижнего Дона: прямоугольные дома с глиняной обмазкой пола, плоскодонная керамика, шлифованные каменные орудия, животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, без лошади, земледельческие орудия труда (зернотерки, терочники), украшения в виде каменных подвесок. Однако перечисленные аналогии имеют самый общий характер и не содержат конкретного указания на непосредственный источник заимствования керамики. Что касается животноводства и земледелия, то эти компоненты имеют большую степень дискуссионности. По справедливому замечанию Н. Котовой, наиболее близкие аналогии керамика сурской культуры находит в посуде поселения Маслидере из Восточной Фракии. Однако данная керамика выглядит там весьма инородно, к тому же отсутствуют данные по её хронологии. М. Оздоганом было выдвинуто предположение, что данная посуда относится либо ко времени предшествующему формированию 5-го слоя поселения Ярымбургаз, либо к последующему [Özdoğan 1989, 204]. Однако данное предположение нуждается в дополнительном обосновании. Нельзя исключать, что материалы поселения Маслидере иллюстрируют инфильтрацию группы северного населения.

В связи с появившимися новыми радиоуглеродными датами Н. Котова пересматривает свою точку зрения на происхождение буго-днестровской культуры, которое она ранее связывала с культурой протокриш. Теперь ближайшие аналогии буго-днестровской керамики видятся ей среди керамики памятников монохромного горизонта в Болгарии. Однако приводимые ею аналогии носят достаточно избирательный характер и поэтому не очень убедительны. Сходство буго-днестровской керамики с посудой монохромного горизонта примерно того же рода, что и с керамикой про-

токриш. Ранее оно представлялось Н. Котовой весьма существенным, а сейчас не рассматривается даже в качестве возможного влияния на протокришскую посуду со стороны населения буго-днестровской культуры.

На наш взгляд, поиски конкретного источника заимствования древнейшей керамики населением Северного Причерноморья на теперешнем этапе исследования обречены на неудачу. Судя по комплексу факторов, заимствование навыков изготовления посуды на данной территории носило опосредованный характер. Масштабные миграции неолитического населения линейно-ленточной керамики, тесно связанные с внедрением производящего хозяйства, широко распространившиеся на территорию Западной и Юго-Западной Европы, не достигли Северного Причерноморья. В ходе спорадических контактов местным населением были восприняты только отдельные элементы неолитического пакета. В их числе оказалась и керамика, облик которой существенно трансформировался в новой среде, что существенно осложнило поиск конкретных источников её происхождения. Настоящая неолитизация территории современной Украины началась только с распространением трипольской культуры. Источник и последствия данных событий ни у кого не вызывают вопросов и сомнений, поскольку относятся к категории очевидного знания. Все что происходило ранее можно отнести только к предыстории данного процесса, одним из эпизодов которого стало распространение древнейшей керамики.

Все вышеизложенное подтверждает, что монографическая работа Н. Котовой является актуальной и научно значимой для разработки проблем неолитизации. Ее содержание вызвало значительный интерес, а многие из положений, высказанные в рецензии, направлены на продолжение дискуссии.

Библиография

- Kotova 2003:** Kotova N.S. Neolithization in Ukraine. BAR. International Series 1109, Oxford 2003.
Özdoğan 1989: Özdoğan M. Neolithic Cultures of Northwest Turkey. Neolithic of Southeastern Europe and its near Eastern connections. Budapest 1989, pp. 201-215.

Александр Выборнов
 Владимир Ставицкий